
ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

К 210-летию Герценовского университета

*С. Б. Смирнов,
проректор по учебной и воспитательной работе*

СУДЬБА ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА. ПЕРВЫЙ ПРОРЕКТОР ТРЕТЬЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕТРОГРАДЕ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕСНИЦКИЙ

Я никогда не был знаком с человеком, о котором написал эту статью. Он умер за два года до моего рождения. Но я чувствую, что связан с ним особой, герценовской связью, духовным родством. Почти пятнадцать лет назад мне пришлось исполнять многотрудную роль ответственного секретаря приемной комиссии нашего университета. В горячие дни приема, в очередной раз переходя по каким-то делам из 6-го корпуса в 5-й, я увидел, как одно из помещений второго этажа начали освобождать от документов архива, в котором хранились личные дела и документы преподавателей, работавших в ЛГПИ им. А. И. Герцена десятилетия назад. Для историка нет ничего более притягательного, чем запах архивных дел. Я не удержался и зашел в это помещение, откуда документы переносились в 11-й корпус, где они и находились до недавнего времени, до переезда архива в отремонтированные для него комнаты 3-го корпуса. Прямо напротив меня, на стеллаже, громоздились стопки трудовых книжек. Я взял первую попавшуюся, наугад. Это была трудовая книжка Василия Алексеевича Десницкого. Много изменилось с того времени, когда она была заполнена, — после возвращения ЛГПИ и самого Десницкого из послевоенной эвакуации, но форма трудовой книжки с тех лет практически не изменилась. И казалось, что записи в ней сделаны только вчера: «заместитель директора» — проректор, «начальник отделения» — декан, заведующий кафедрой, профессор. Как историк и коренной герценовец я, конечно, слышал о В. А. Десницком — об одном из видных деятелей дореволюционного социал-демократического движения, друге Горького, известном литературоведе, человеке, стоявшем в ряду основателей ЛГПИ. Но вот так, через документ, почувствовать историческую близость к этому выдающемуся человеку — это было удивительное ощущение сопричастности к нашей общей истории. Вот почему, когда была задумана серия статей об истории нашего университета, посвященная его 210-летию, я решил предложить для публикации материал о Десницком, о масштабной личности, сыгравшей очень важную роль в начале советского периода истории РГПУ им. А. И. Герцена. Далее — ни слова о себе, только о нем. Конечно, политическая и общественная, научная и преподавательская деятельность Десницкого, его личность заслуживают отдельной книги, тщательного изучения мемуарной и научной литературы, источников и архивов. А эта статья написана с целью лишь привести некоторые аргументы в защиту данного тезиса и напомнить коллективу университета о нашем выдающемся коллеге.

Василий Алексеевич Десницкий родился 30 января 1878 года в селе Покров Сергачевского уезда Нижегородской области. Происходил он из «духовного звания», и его отец, как писал Василий Алексеевич в своей автобиографии, был «дьяконом на псаломщической вакансии». Фамилия «Десницкий» свидетельствовала и о сословном происхождении отца — она относилась к числу наиболее типичных «семинаристских» фамилий (видимо, после Второго пришествия ее владельцы надеялись обрести место одесную, т. е. по правую руку от господ Бога). Отец умер, когда мальчику было всего пять лет. Его «мать осталась без всяких средств, получала пенсию 10 рублей в год». Трудовую жизнь, по его воспоминаниям, Десницкий начал в 9–10 лет, помогая брату — учителю в школе, обучая за плату (хлеб, яйца) грамоте взрослых крестьян. После сельской школы он пошел путем, predeterminedным в то время для детей священнослужителей — учился «на казенный счет» в духовном училище, закончил в 1899 г. духовную семинарию в Нижнем Новгороде. И его жизненная дорога оказалась тоже довольно типичной для бывших семинаристов. Подобно Сталину и многим другим, Десницкий стал революционером. Уже с 1896 г. он зарабатывал на жизнь и партий-

ную работу литературной деятельностью, сотрудничая в нижегородских газетах. В конце 1890-х гг. Десницкий был уже активным социал-демократом, свой партийный стаж он вел с 1896 г. Еще семинаристом он должен был ехать на I съезд РСДРП, «но поздно получил явку». В последние годы своей жизни в Нижнем Новгороде В. А. Десницкий занимался социал-демократической пропагандой среди рабочих. Он с гордостью вспоминал, что одним из первых его учеников был П. Заломов, видный социал-демократ, прототип П. Власова, героя романа М. Горького «Мать». Здесь же, в Нижнем, Десницкий познакомился и с самим Горьким. Дружба связывала их до самой смерти А. М. Горького, и он оказал очень большое влияние на судьбу и эволюцию взглядов Десницкого, творчество Горького стало одним из основных объектов изучения Десницкого-литературоведа.

Несмотря на увлеченность революционными делами, Десницкий решил продолжить образование, и в 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Юрьевского (ныне Тарту, Эстония) университета по историческому отделению. Неизвестно, какими мотивами руководствовался Десницкий, выбирая университет, но это было, очевидно, не связано с его подпольной работой — в тихом провинциальном Юрьеве пролетариата просто не было. Тем не менее за участие в студенческих беспорядках он временно исключался из университета, а на третьем курсе был впервые арестован и около года просидел в тюрьмах Прибалтийского края. И в этом смысле судьба Десницкого была довольно типична для российских революционеров — университет тогда он не закончил (был выслан под надзор полиции в Нижний Новгород) и полностью отдался революционной деятельности.

Партийная карьера Десницкого развивалась стремительно. В 1902 г. он стал членом Нижегородского комитета РСДРП, принял активное участие в подготовке II съезда партии российских социал-демократов, сотрудничал в знаменитой «Искре», был направлен на съезд, но его арестовали при переходе российско-австрийской границы и после четырех месяцев ареста снова выслали в Нижний Новгород. В годы перед первой русской революцией Десницкий был активным большевиком, участвовал в работе III, IV и V съездов РСДРП. На III съезде он познакомился с Лениным, с большим интересом расспрашивал его о А. М. Горьком, просил беречь его¹. Нужно отметить, что в советское время В. А. Десницкий не очень любил делиться с коллегами воспоминаниями о своем революционном прошлом. К этому, надо думать, мало располагал финальный этап его партийной и политической биографии. Но в общении с молодыми герценовцами, особенно в последние годы жизни, в период оттепели, он иногда позволял себе это. А. М. Жмаев, который как раз в это время учился на филологическом факультете ЛГПИ, вспоминал о лирических отступлениях Десницкого во время прохождения им со студентами спецкурса о творчестве столь близкого ему М. Горького (это был единственный лекционный курс, дозволенный ему после «Ленинградского дела»): «Он постариковски шаркал к столу, трудно садился, хмуро смотрел на нас сквозь зеленые очки, доставал большую красную пачку “Курортных”, долго закуривал, а потом, подперев голову, глядя куда-то в сторону, ни к кому из нас не обращаясь, вдруг говорил что-то неожиданное...

— Ехали мы с Горьким перед первой войной в Англию...

После таких слов мы сразу начинали держать уши топориком...

— Другой раз были мы с Алексеем Максимовичем на английском балете. Между прочим, и Ленин был. (Как нас поразило это “между прочим”!)»².

Пик партийной деятельности Десницкого пришелся на первую русскую революцию, на 1905–1907 гг. В ноябре 1905 г., после совещания ЦК на квартире Горького в Петербурге, где обсуждался вопрос о подготовке вооруженного восстания в Москве и в котором, кроме хозяина квартиры и В. А. Десницкого, приняли участие главные руководители большевиков того времени — Ленин, Красин, Богданов, — Десницкий был направлен в Москву. С ноября 1905 по апрель 1906 г. он играл одну из ключевых ролей в Московском бюро ЦК РСДРП, представляя ЦК в редакциях газет «Борьба» и «Известия Московского Совета». Десницкий был одним из организаторов Декабрьского восстания в Москве. Как вспоминал один из близких к Василию Алексеевичу учеников, К. А. Дымшиц, Десницкий иногда со смехом рассказывал, «как один его соученик — филолог, типичный “академист”, встретив его в разгаре боев на Пресне, укоризненно выговаривал ему: “Вот вы все революцией занимаетесь. А я, извольте видеть, библиографией”»³.

На IV съезде РСДРП Десницкий был избран членом ЦК. Учитывая, что в это время ЦК социал-демократической партии состоял всего из нескольких человек, то можно сказать, что будущий

¹ В. И. Ленин. Биохроника. 1905–1912. М., 1971. Т. 2. С. 57.

² Жмаев А. М. Туда и обратно. Ретроспективный дневник. СПб., 1995. С. 216.

³ В. А. Десницкий. Материалы к биографии. Фонд Музея РГПУ им. А. И. Герцена. С. 12–13.

профессор нашего университета в 1906–1907 гг. входил в число лидеров этой партии. Но после поражения революции Десницкий, как и большинство революционеров, которые принимали в ней активное участие, пережил глубокий духовный кризис. О его остроте при современном состоянии нашего знания о жизни и деятельности Десницкого можно только догадываться, но есть все основания предположить, что причины этого кризиса мало отличались от тех, что привели к изменениям в мировоззрении многих интеллигентов его поколения. Их повергла в ужас жестокость, проявленная народом и властью в те годы. В стране наступила временная политическая стабилизация, названная «столыпинской реакцией». Несостоявшимся вождям революции пришлось задуматься о том, что делать дальше. Десницкий решил, что в первую очередь, как он писал в автобиографии, необходимо «легализоваться», и в 1907 г. вернулся к учебе в Юрьевском университете. В результате он закончил историко-филологический факультет по словесному отделению, прослушал полный курс юридического, но не стал сдавать на этом факультете государственных экзаменов. Десятилетие между революциями стало решающим временем в его биографии, именно в эти годы, благодаря неустанному труду, он стал одним из наиболее образованных российских филологов того времени.

Сосредоточенность на учебе и углублении образования Десницкий сочетал с продолжением политической деятельности. Но с большевиками и Лениным он решительно разошелся и оказался в тот период даже левее его. Десницкий оказался среди тех членов РСДРП, которые считали, что формы конституционного строя, которые возникли в результате революции, есть не что иное, как политический обман со стороны самодержавия и партии, чтобы его разоблачить, надо отказаться от легальных форм деятельности, полностью сосредоточиться на подпольной работе, отозвать из Государственной Думы и других официально действующих организаций своих представителей. Сторонников этой точки зрения в партии прозвали «отзовистами». В 1909 г. Десницкий вместе с другими отзовистами организовал для молодых членов партии Каприйскую партийную школу, в организации которой активное участие принимал и живший на итальянском острове Капри М. Горький. В школе Десницкий прочел курс лекций на тему «Церковь и государство в России». Однако он, бывший семинарист, не разделял богостроительских увлечений своего друга и других организаторов Каприйской школы, таких, например, как А. А. Богданов или А. В. Луначарский. Видимо, из детства и со времени учебы в духовном училище и семинарии Десницкий вынес такое неприятие религии, что не мог согласиться с надеждами Горького и Богданова на то, что улучшенный, социалистический Бог поможет совершить в России гуманную революцию. На всю жизнь он остался убежденным атеистом. Время показало всю беспочвенность иллюзий богостроителей.

Примерно с 1910 г. Десницкий фактически отошел от партийной деятельности. 14 ноября 1910 г. Ленин с грустью писал Горькому из Парижа на Капри: «Что у Вас нового? Писали ли Строеву (один из партийных и литературных псевдонимов В. А. Десницкого. — С. С.) и какой ответ получили? Мы написали ему первое письмо, “для связи”, он получил и ответил, что не понял, кто пишет. Написали еще. Молчит. Безлюдье дьявольское, а старики разбрелись»⁴. «Старику» Десницкому в это время было тридцать два года. Судя по всему, он, значительно интеллектуально возмужавший, разочаровался в исповедуемых радикальными социал-демократами методах политической борьбы. Ему было запрещено жить в столичных городах, и он осел в Юрьеве. Еще в начале 1900-х гг. Десницкий женился на Александре Митрофановне Пиневиц, в 1904 у них родился сын Алексей (позднее — выпускник ЛГПИ, доцент, затем профессор кафедры русской литературы института на протяжении многих лет), а в 1912 г. — дочь Аглая (в будущем тоже выпускница ЛГПИ, много лет работавшая в нашем институте преподавателем, доктор наук, профессор, настоящая дочь своего отца — выдающийся лингвист и член-корреспондент Академии наук СССР; младшая дочь Ольга (тоже закончившая наш университет и ставшая профессиональной художницей) родилась уже в Петрограде, в 1922 г. Будучи политически неблагонадежным, Десницкий не мог рассчитывать на службу в государственных учреждениях и зарабатывал на жизнь уроками в частных школах, редактировал легальную социал-демократическую газету «Окраина». Только в 1916 г. ему удалось устроиться в учительский институт. Казалось, жизнь обретала стабильность, не суля Десницкому особых перспектив. Революция 1917 года все изменила.

По словам самого В. А. Десницкого, именно он «провел» Февральскую революцию в Юрьеве: организовал первый митинг, освобождение арестованных, смещение местных властей и приведение к присяге офицеров, был избран гласным городской думы. Но он стремился туда, где решалась

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 2.

судьба революции и России. В первых числах марта он выехал в Петроград. Этот город станет для него второй родиной, до конца жизни он надолго покинет его только один раз — уехав с институтом в эвакуацию.

Десницкий принял самое активное участие в бурных политических событиях 1917 — первой половины 1918 г. Василий Алексеевич вернулся к активной партийной жизни, до начала апреля 17-го разделял позицию большевиков, которые тогда отнюдь не стремились к захвату власти и считали, что Россия вступает в длительный период буржуазно-демократического развития. Приезд Ленина резко изменил ситуацию внутри партии, и Десницкий порвал с большевиками. Когда в Петроград вернулся М. Горький, то оказалось, что позиции старых друзей по-прежнему очень близки. Десницкий принял активное участие в создании газеты «Новая жизнь», которая начала выходить 1 мая, а с 6 декабря 1917 г. выполнял обязанности ее ответственного редактора. Вокруг газеты возникла небольшая группа социал-демократов, которая получила наименование «РСДРП интернационалистов-новожизненцев». Десницкий стал одним из лидеров этой группы. До весны 1918 г. он представлял эту группировку во Всероссийском Центральном исполнительном комитете — коллегии, которая в первые десятилетия советской власти формально была главным органом государственной власти. Членом партии социал-демократов (интернационалистов) Десницкий считал себя до ее роспуска в 1919 г. В первые месяцы власти большевиков, когда они еще были вынуждены мириться с существованием легальной оппозиции, «Новая жизнь» превратилась в главного их оппонента, критиковавшего крепнущую коммунистическую диктатуру с социалистических позиций. Особенно досаждали большевикам очерки очень популярного тогда Горького — «Несвоевременные мысли». 29 июля 1918 г. «Новая жизнь», которая и до этого несколько раз закрывалась, была окончательно запрещена. Сегодня, с высоты исторического опыта, очевидно, что для Василия Алексеевича Десницкого как политического деятеля и журналиста время существования «Новой жизни» было звездным часом. В статьях о нем, в воспоминаниях коллег и учеников, написанных в советские годы, постоянно возникала тема его политических «грехопадений». Ему не раз ставили их в вину, в годы террора они, не приходится сомневаться, заставляли его постоянно ощущать себя на грани гибели. Если верить мемуаристам, чьи воспоминания относятся к советскому периоду (а это не могло не сказаться на их объективности), Десницкий искренне осознал свои заблуждения и всячески отрешивался как от своего «отзовистского», так и от «новожизненского» прошлого. И только К. Муратова, которая работала вместе с ним в Пушкинском доме, вспоминала, что «все же можно было понять, что Василию Алексеевичу хотелось, чтобы весьма сложный период в его жизни и жизни Горького, связанный с работой в газете “Новая жизнь”, был раскрыт в будущем с учетом свидетельств самих участников газеты»⁵. К сожалению, мы уже вряд ли узнаем, что он думал на самом деле, но в недостаточно критичном отношении к Горькому его будут упрекать и десятилетия спустя даже самые доброжелательные к нему коллеги⁶.

До самой смерти Горького их отношения сохраняли дружескую теплоту. В письмах писателя сохранилось об этом довольно много свидетельств. Так, например, еще в 1907 г. Горький сообщал Е. Пешковой о приезде Десницкого на Капри: «Приехал Василий Алексеевич, проживет здесь до осени, это хорошо; я очень люблю его, славный он»⁷. О Горьком Десницкий написал довольно много, и его работы о друге и писателе отличались сочетанием научно-исследовательского и мемуарного подходов⁸. Смерть Горького стала для Десницкого тяжелейшим личным ударом. Его ученики — А. Дымшиц и О. Моденская-Шестакова — вспоминали: «Он был жестоко, в самое сердце ранен этой утратой. На него было больно смотреть. За сутки он спал с лица, ходил пошатываясь, отвечал иногда невпопад»⁹; «Я хорошо помню заседание кафедры, посвященное А. М. Горькому, рассказ Василия Алексеевича о последних днях великого писателя. Рассказывал и плакал»¹⁰.

Гражданская война становилась все ожесточеннее, и после закрытия «Новой жизни» Десницкому пришлось сделать выбор — с кем он: с большевиками или против них. И он, вслед за Горьким, пошел на сотрудничество с новой властью. Десницкий, как и многие другие левые интеллигенты, сначала не принявшие коммунистический режим, постепенно были поглощены им. Они шли рабо-

⁵ Муратова К. Встречи с В. А. Десницким // В. А. Десницкий — ученый и педагог. Л., 1971. С. 86.

⁶ См., например: Василий Алексеевич Десницкий как ученый и педагог // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кафедра русской литературы. Л., 1948. Т. 67. С. 10.

⁷ Цит. по: Еремин А. Горький и Десницкий // В. А. Десницкий — ученый и педагог. Л., 1971. С. 88.

⁸ См., например: Десницкий В. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1940.

⁹ В. А. Десницкий. Материалы к биографии. Фонд Музея истории РГПУ им. А. И. Герцена. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 19.

тать с большевиками, наивно надеясь, что своим участием изменят их к лучшему. Для Десницкого, кроме того, выбор облегчался тем, что он хорошо знал большинство руководителей коммунистической партии того времени и, как он писал в автобиографии, сохранил «личные связи дружеские со старыми товарищами (В. И. Лениным, Красиным и др.)». В первые бурные годы советской власти, в холодном и голодном, обезлюдевшем Петрограде Десницкий вел активнейшую деятельность, участвовал в самых разных начинаниях, направленных на развитие культуры и образования. Но самым главным его делом стало создание в Петрограде педагогического института.

В 1970-е гг. между руководством ЛГПИ им. А. И. Герцена и властями города шла длительная переписка по поводу установления мемориальной доски, посвященной В. А. Десницкому. Сегодня трудно сказать, почему она так и не была установлена, но здесь хотелось бы обратить внимание на текст письма, которое за подписью К. В. Алтухова, бывшего тогда проректором по научной работе, направлялось в различные инстанции: «В. А. Десницкий является инициатором основания нашего института. В 1918 г. он через посредничество А. М. Горького обратился к В. И. Ленину с проектом основания педагогического института нового типа. Институт должен был давать педагогическую специализацию на базе полного университетского образования. Подбор преподавательских кадров предусматривался специфический: из преподавателей вузов и средних школ, фактически являвшихся ценными научными специалистами, но научному продвижению которых препятствовала царская высшая школа. Проект был одобрен»¹¹. 17 ноября 1918 г. нарком просвещения Луначарский подписал декрет о создании института. Институт было решено разместить в зданиях бывшего Императорского Воспитательного дома по адресу набережная реки Мойки, дом 48. К осени 1918 г. процесс ликвидации учреждений, ранее принадлежавших императорской фамилии, только что завершился. Фактически между историей Воспитательного дома и историей вновь созданного Третьего Петроградского педагогического института не было никакого временного промежутка, и де-факто он стал его правопреемником.

Первым директором института стал А. И. Пинкевич, а его заместителем — В. А. Десницкий. Василий Алексеевич никогда не имел склонности к административной работе, хотя вынужден был ею заниматься значительную часть своей научно-педагогической деятельности — в институте он в разные годы выполнял обязанности заместителя директора (проректора), начальника отделения (декана), заведующего кафедрой. Тем не менее нельзя не задаться вопросом: почему директором назначили не его — инициатора создания института? Видимо, учитывая, что еще несколько месяцев назад он был страстным оппонентом большевиков, новые власти побоялись доверить ему столь политически ответственный в то время пост. Для новорожденного института Десницкий разработал учебные планы, которые потом стали типовыми для других высших педагогических учебных заведений. Необходимо отметить, что свое сорокалетнее служение в ЛГПИ Десницкий сочетал с работой в других учреждениях: Ленинградском государственном университете, Пушкинском доме и других научных и общественных организациях, он редактировал журналы «Вестник просвещения», «Вопросы педагогики», «Литературная учеба», «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», серии сборников «А. М. Горький. Материалы и исследования», «Архив А. М. Горького».

В первые годы научной и педагогической деятельности положение Десницкого в научном мире было далеко не однозначным. Академик В. М. Жирмунский, который считал Василия Алексеевича одним из своих учителей, писал: «Марксизм пришел к ленинградским историкам литературы в первую очередь через В. А. Десницкого»¹². Другой выдающийся литературовед, А. С. Бушмин, отмечал: «Можно сказать, что А. В. Луначарский и В. А. Десницкий выступили в раннем советском литературоведении как два самых образованных марксиста и сыграли в нем роль пионеров»¹³. Не случайно поэтому в 1921 г. он вошел в группу «красной профессуры», организованную преподавателями Петроградского университета. Мне, историку, трудно судить о научной ценности многочисленных трудов Десницкого и о том, насколько они сохранили ее в наши дни. Очевидно одно — в академической среде двадцатых годов, которая относилась к марксизму в лучшем случае равнодушно, он был несомненной белой вороной, чужаком и выскочкой. И сегодня, когда при взгляде на его портреты мы представляем себе Десницкого типичным ученым классического университетского типа, мы должны помнить об этом. Другое дело, что для поколений его учеников 1930–1950-х гг. он

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Жирмунский В. // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 102.

¹³ Бушмин А. Ученый и учитель // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 97.

был таковым уже с полным основанием. Дожившие до тех времен профессора с дореволюционным стажем, которые когда-то не признавали «красную профессуру», сами стали завзятыми марксистами.

Значение ученого определяется не только его собственными научными достижениями, но и тем, каких учеников он воспитал. За сорок лет своей научно-педагогической работы Десницкий воспитал десятки ученых и преподавателей, кандидатов и докторов наук. Своим учителем его считали, например, такие выдающиеся литературоведы, как В. М. Жирмунский, Т. В. Томашевский, Б. Н. Берков. На его лекциях и семинарах, в общении с ним воспитывались поколения учителей русского языка и литературы. Еще тридцать пять лет назад один из его учеников, Б. Бурсов, писал: «Наши молодые литературоведы плохо знают Василия Алексеевича Десницкого, хотя со дня его кончины прошло немногим более десяти лет. Его мало читают, а когда читают — не могут найти ничего такого, что заслуживало бы особого внимания. Как жаль, что это так! Скажу сразу же, что он сам, живой Десницкий, был куда интереснее своих писаний, однако, если вникнуть в его работы, без труда можно заметить, что написаны они пером решительным и острым»¹⁴. При этом все его современники и ученики солидарны в одном: он был специалистом высочайшего класса, разносторонне образованным ученым и не прощал непрофессионализма: «При Десницком никто не мог позволить себе держаться “спустя рукава”. Он всех заставлял подтягиваться. Малейшая расхлябанность, какая-нибудь фактическая или иная неточность — и ты уже у всех на виду со своими слабостями. Он был способен поставить человека и в смешное положение, дабы не было повадно другим легкомысленно разглагольствовать»¹⁵.

Василий Алексеевич был очень внимателен к тем молодым людям, которые приходили поступать в институт. Примером может служить судьба Н. А. Заболоцкого, выдающегося русского поэта и выпускника ЛГПИ. Десницкий, который был тогда деканом общественно-экономического факультета (существовал и такой), «сразу обнаружил, что знания молодого человека из Уржума весьма бессистемны и более отвечают интересам начинающего поэта, чем требованиям к абитуриентам»¹⁶. В 1947 г. Заболоцкий писал своему учителю: «Я очень хорошо помню, как в августе 1921 г., когда на стенах города были расклеены афиши о траурных вечерах по поводу смерти Блока, Вы впервые экзаменовали меня, принимая в Институт; как я безбожно путал Пугачева со Стенькой Разиным, но зато назубок знал символистов вплоть до Эллиса, и как Вы тогда мне сказали, что в голове у меня порядочная каша и что, если и есть в ней что-нибудь порядочное, — то это безусловное желание учиться. В сущности говоря, тогда решила судьба этого вятского паренька; эту судьбу решили Вы, и Вы решили ее человеколюбиво и правильно»¹⁷. Правда, в последующие годы судьба Заболоцкого еще не раз подвергалась испытанию во время так называемых «чисток» института, когда проверяли социальный состав студентов и исключали представителей имущих классов. По существовавшим тогда порядкам сын агронома тоже считался чужим, и только заступничество Десницкого позволило Заболоцкому удержаться в институте и получить высшее образование¹⁸. Воспоминания о том, как Десницкий проводил вступительные экзамены, оставила и другая студентка 1920-х гг., Н. Лычковская, ставшая позднее заслуженной учительницей: «Спрашивали, вернее, беседовали со мной о литературе долго, заинтересованно, и в результате... я была принята на отделение языка и литературы»¹⁹. Десницкий был внимателен к студентам и за пределами учебных аудиторий. «Василий Алексеевич мог подойти в коридоре института к восемнадцатилетней шалой девчонке и, взяв ее под руку, доверительно сказать на ухо: “С этим мальчиком не ходи. Думай сама...”»²⁰. А «мальчиков» института он тоже старался защищать, как только мог. Так, например, в марте 1919 г. В. И. Ленин получил от него письмо, написанное от имени руководства Третьего Петроградского педагогического института с просьбой поддержать ходатайство института в Реввоенсовет Республики об освобождении, в виде исключения, его студентов от призыва на военную службу, учитывая острую нужду в учителях. Ленин прислушался к просьбе старого товарища и написал за-

¹⁴ Бурсов Б. «Отец Василий» // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Заболоцкий Н. А. Жизнь Н. А. Заболоцкого. СПб., 2003. С. 65.

¹⁷ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983–1984. Т. 3. С. 352.

¹⁸ Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 66.

¹⁹ Лычковская Н. Герценовцы 20-х годов // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 110.

²⁰ Питляр И. «Подумай сама...» // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 93.

писку запредреввоенсовета Э. М. Склянскому с предложением удовлетворить просьбу²¹. Но «если он видел, что на литфак попали случайные люди..., он был беспощаден. Указывая на кого-нибудь, кого он считал достойным быть учителем литературы, он говорил: «Вот почему он (или она) пошли на литфак, я понимаю, а вот почему вы пошли сюда, а не в ветеринарный? Или вы? Почему, например, не на акушерский?»²². З. Войтоловская, которая тоже училась в ЛГПИ в 1920-е гг., а в послевоенные годы работала вместе с Десницким на кафедре русской литературы, вспоминала: «Помню Василия Алексеевича в двадцатые годы. Вижу как он легкой, быстрой походкой входит в аудиторию, садится к столу, кладет портфель и не столько “читает” лекцию, сколько делится с нами, студентами, своими мыслями... Василий Алексеевич не любит разъяснять свои мысли... Их надо хватать на лету... Он требовал от нас мыслей. Любил, когда мы спорили с ним»²³. «В. А. Десницкий был по натуре импровизатором, педагогом и полемистом»²⁴. А. Груздев утверждал, что «без преувеличения можно сказать, что высказанные изустно идеи В. А. Десницкого послужили основой многих книг и исследований, исполненных другими лицами, историками литературы и критиками, аспирантами и сложившимися учеными»²⁵.

Воспоминания об отношениях Десницкого и его учеников заставляют еще раз вернуться к судьбе одного из самых знаменитых выпускников университета — Н. А. Заболоцкого. В 1938 г. Заболоцкий был арестован и осужден по пресловутой 58-й статье на пять лагерей «за контрреволюционную троцкистскую деятельность» (на свободу он вышел только после войны). Среди немногих людей, которые попытались помочь поэту, первым оказался его любимый учитель. «По дореволюционной партийной работе Десницкий лично знал Сталина и теперь решил воспользоваться этим знакомством, чтобы попытаться защитить поэта. Вскоре после объявления приговора он написал письмо, в котором просил вождя разобраться с делом своего бывшего ученика. Он писал, что знает Заболоцкого буквально с первого дня его студенчества, высоко ценит его поэзию и ручается, что автор “Горийской симфонии” (стихотворение, где упоминается Сталин. — С. С.) не может быть врагом народа. Письмо начиналось обращением “Коба” (партийная кличка Сталина) и подписано было партийной кличкой профессора — Десницкий—Лопата. Ощутимых последствий оно не имело»²⁶. Но Заболоцкий по достоинству оценил мужественный поступок своего учителя. Осенью 1947 г. к нему обратились организаторы семидесятилетнего юбилея Десницкого с просьбой написать приветственное стихотворение для специального юбилейного выпуска Ученых записок ЛГПИ им. А. И. Герцена. Юбилейных стихов Заболоцкий не писал, но в этом случае сделал исключение и послал в Ленинград посвященное Десницкому стихотворение «Садовник». На юбилей Десницкого он приехать не смог — недавно вернувшийся из ссылки, он не имел ни жилья, ни устойчивых источников существования. Но со своей женой, Екатериной Васильевной, тоже выпускницей нашего университета, он передал Василию Алексеевичу письмо, в котором, в частности, писал: «Сколько раз за эти годы мы вспоминали Вас, как отца родного, и вместе с этим вспоминали нашу молодость, и Герценовский институт, и наш милый Ленинград, с которым так много связано в нашей жизни!»²⁷. В Ленинграде Екатерина Васильевна пришла к Десницким на квартиру на Кировском проспекте и передала письмо. Ее накормили обедом, стали расспрашивать о жизни семьи Заболоцких в последние годы. За чаем, когда Василий Алексеевич ушел в свой кабинет, его жена Александра Митрофановна сказала, что они читали «Садовника», что Василию Алексеевичу неудобно хвалить воспевающее его стихотворение, но оно ему понравилось и он даже пожелал, чтобы после его смерти «Садовника» прочли на его могиле²⁸. К истории со злосчастным юбилейным сборником мы еще вернемся, а здесь хочется отметить, что Заболоцкий не был единственным из жертв советской власти, которым Десницкий пытался помочь. Так, еще в 1921 г. он очередной раз обратился к Ленину — на этот раз с ходатайством об освобождении из-под ареста видного историка, в прошлом социал-демократа и меньшевика, профессора Петроградского университета И. А. Рожкова. Ленин вынес этот вопрос на заседание политбюро, и Рожков был освобожден.

²¹ Биохроника В. И. Ленина. М., 1976. Т. 6. С. 573.

²² Лычковская Н. Указ. соч. С. 113.

²³ Войтоловская З. Наш учитель // Советский учитель. 12.03.1968.

²⁴ Семенова М. Перечитывая и вспоминая В. А. Десницкого... // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 31.

²⁵ Груздев А. В. А. Десницкий — педагог и ученый // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 71.

²⁶ Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 338.

²⁷ Там же. С. 466.

²⁸ Там же. С. 467.

Десницкий навсегда остался верен тем идеям, которые привели его к мысли о создании педагогического института, ставшего ЛГПИ им. А. И. Герцена. Он видел свой долг ученого в том, чтобы обеспечить школу такими методиками и учебными пособиями, которые помогли бы учителям не только передать школьникам обширные знания, но и воспитать у учащихся любовь к литературе. «Редко... встретишь литературоведа большого масштаба, педагога высшей школы, который бы в такой степени, как В. А. Десницкий, заботился о преподавании литературы во всех учебных звеньях, вплоть до самых “низших”»²⁹. В 1920–1930-е гг. он постоянно выступал перед учительством Ленинграда и других городов, был составителем программ по литературе для трудовой школы. Во времена экспериментов 20-х гг. он резко выступал против упразднения предметного обучения в целом и ликвидации литературы как школьного предмета в частности. До революции он много лет был вынужден заниматься частными уроками, преподавал в учительском институте. Этот опыт, хорошее знание детей позволили ему не только много лет успешно возглавлять кафедры русской и зарубежной литературы, но и стать основателем кафедры методики ее преподавания. По его инициативе в структуре ЛГПИ был создан институт научной педагогики. Наверное, с современной точки зрения могут показаться чрезмерными требования к объему литературного материала, который, по мнению Десницкого, должен был усвоить школьник того времени. Но при этом он считал необходимым в первую очередь развивать у школьников самостоятельное мышление. Одна из его учениц, О. Моденская-Шестакова, вспоминала: «Читая однажды мою статью о самостоятельной работе учащихся, он сказал: “На короткой веревке держите”... Это аллегорическое замечание я не сразу поняла. Оказывается, он хотел сказать о том, что учащимся надо предоставлять больше свободы для их суждений о литературе, а не опекать их. В другой раз он опять упрекнул меня в излишней опеке, сказав: “Когда же вы распеленаете этих бедных детей?”»³⁰ Сегодня, когда в нашем университете, как и в системе образования России в целом, так много говорят о необходимости поставить в основу процесса обучения самостоятельную работу учащихся и студентов, этот вопрос звучит по-прежнему актуально.

Особое место в жизни В. А. Десницкого, как и в жизни любого гражданина нашей страны, жившего в то время, заняла Великая Отечественная война. Как и многие его коллеги по институту, в первые дни войны он много выступал на митингах и собраниях, стремясь вдохновить защитников Ленинграда на отпор врагу. Началась блокада, но занятия в ЛГПИ продолжались. 12 сентября 1941 г. студентка Э. Г. Штык записала: «Мы с наслаждением слушаем лекции Василия Алексеевича Десницкого. Этим лекций мы терпеливо ждали все три года. Мы как зачарованные слушаем его рассказы о Максиме Горьком, его друге... При этом мы почти забываем о войне, о снарядах и подземельях, в которых мы учимся»³¹. Не замирала в институте и научная работа. 12 декабря 1941 г. проводилось заседание диссертационного совета по гуманитарным специальностям, на котором состоялось несколько защит, в том числе и успешная докторская защита преподавателя кафедры русской литературы Г. В. Прохорова, одним из официальных оппонентов был В. А. Десницкий. В условиях декабря 1941 г., когда в городе уже свирепствовал голод, это был настоящий подвиг — и диссертантов, и членов совета. Многие соискатели и их оппоненты не смогли пережить блокадную зиму. Г. В. Прохоров скончался во время эвакуации.

В момент защиты диссертации Г. В. Прохорова В. А. Десницкого в Ленинграде уже не было. 7–8 декабря 1941 г. он, его жена и дочери вместе с группой преподавателей института и их семьями были эвакуированы на «большую землю». Условия эвакуации в Молотовск (ныне Нолинск, маленький райцентр в Кировской области) оказались столь тяжелы, что они привели к гибели нескольких профессоров, чье здоровье и так было подорвано блокадой. Одним из умерших был ближайший друг Василия Алексеевича, известный историк А. Е. Кудрявцев, с которым они в предвоенные годы неоднократно вместе отдыхали в Крыму, в Коктебеле. Сам Десницкий тоже тяжело пережил это время (хотя он не терял чувства юмора и послал с одной из станций в Ленинград телеграмму следующего содержания: «Едем-едим»³²) — врачи прописали ему постельный режим, но уже через несколько недель он вернулся к активной работе. В Молотовске В. А. Десницкий и вся «молотовская группа» преподавателей института находилась до ноября 1942 г., когда она, наконец, воссоединилась со всем коллективом ЛГПИ, эвакуированным после долгих и драматических странствий

²⁹ Семенова М. Указ. соч. С. 34.

³⁰ В. А. Десницкий. Материалы к биографии. Фонд Музея истории РГПУ им. А. И. Герцена. С. 19.

³¹ Фруменкова Т. Г. Мы вышли из блокадных дней: Герценовский университет в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 2005. С. 84.

³² Белоруссова Е. Основатели института. В. А. Десницкий // Советский учитель. 1.09.1988.

в Кыштым. В период эвакуации Десницкий не только преподавал, но и вел активную просветительскую и методическую работу, много писал на патриотическую тему. В частности, он был составителем и редактором такого заметного для патриотического воспитания издания военных лет, как книга «Из героического прошлого русского народа»³³. В августе 1944 г. ЛГПИ им. А. И. Герцена был эвакуирован в Ленинград. Вместе со всеми герценовцами вернулся в ставший для него родным город

и В. А. Десницкий. Его заслуги в годы войны были отмечены правительственными наградами: орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Кончилась война, но пришли новые испытания.

В годы террора 30-х гг. репрессиям подвергались не только живые люди, но и давно умершие деятели науки и культуры. Десницкий и в этой ситуации ясно высказывал свою позицию. Одна из его учениц вспоминала: «Я кончила институт в 1937 году. Часто мы, студенты, присутствовали на заседаниях кафедры. Иногда раздавался голос одного из преподавателей с предложением что-то ужать, что-то из программы убрать (Достоевского, например). Десницкий подымал голову и... как хлыстом: “Вы лучше вспомните, как вы Тургенева из библиотек требовали изъять!” И замолкал голос»³⁴. В 1930–1940-е гг. политическая биография Десницкого, пусть и оставшаяся далеко в прошлом, стала чрезвычайно опасной для него. Ему повезло, он избежал репрессий. Но о том, насколько шатким было его положение, свидетельствуют, например, воспоминания А. Дымшица о случае, имевшем место еще в 1920-е гг. Дымшиц рассказал Десницкому о том, что встретил в Берлине профессора — историка Строева. “Как же, — заметил Десницкий, — я его помню. В начале двадцатых годов он немного пострадал, его спутали со мной и арестовали на несколько дней. Он — Строев натуральный, а я писал довольно много под псевдонимом “Строев”. Для Зиновьева и ему подобных я был только “новожизнен-цем”, и они решили поддержать меня под замком. Но я был на юге, и они забрали того Строева, которого ты обнаружил в Берлине. Сидел он недолго, перед ним извинились. А выпустили, получив изрядную нахлобучку. Дело в том, что я узнал об этой ошибке. Отправился в Москву к Дзержинскому и говорю ему: “Феликс Эдмундович, вот так и так. Может быть, у вас есть ко мне какие-то претензии? Но мне думается, что я совершенно лоялен и веду себя правильно”. “Никаких претензий к Вам, Василий Алексеевич, нет. Это местная инициатива и глупое самоуправство”, — сказал Дзержинский. И господин Зиновьев получил необходимые разъяснения. А господин Строев вышел на свободу»³⁵. Но если Десницкому угрожал арест даже в те годы, когда партию и карательные органы возглавляли люди, хорошо лично знавшие Десницкого, то нам, живущим сегодня, трудно представить, каково ему было жить тогда, когда этой защиты у него не было. Тот же Дымшиц справедливо констатирует, что «никогда более над В. А. Десницким не простиралась “карающая длань”». Но он же замечает, что «порой находились в педагогическом институте и в Академии наук некоторые демагоги, пытавшиеся корить Василия Алексеевича его прошлыми ошибками»³⁶. В те времена самостоятельность суждений в сочетании с «прошлыми ошибками» не могли пройти даром. Досталось, в конце концов, и Десницкому. Для всей страны наступили черные времена «борьбы с космополитами», «вейсманистами-морганистами» и прочими врагами народа. Для Ленинграда — страшные годы «Ленинградского дела». ЛГПИ им. А. И. Герцена, как один из крупнейших культурно-образовательных центров страны, эти беды никак не могли обойти стороной.

Д. К. Мотольская, к которой Десницкий относился с особой теплотой, вспоминала об одном из заседаний Ученого совета института, которое проходило в разгар «ожесточенной борьбы с так называемыми «вейсманистами-морганистами». Обстановка была весьма напряженной. Докладчик, только что приглашенный для руководства кафедрой зоологии и дарвинизма доцент, с возмущением говорил о засилье генетиков в Институте и о необходимости полной перестройки работы кафедры... В частности, говорилось о том, что даже на территории Института полезно заниматься разведением гаг и устройством пчельника и что кафедра уже сделала ряд шагов для проведения этого проекта в жизнь. Все слушали со скрытым недоумением. И вдруг в полной тишине раздался голос Василия Алексеевича. Он спросил, заготовили ли для профессоров сетки, предохраняющие от укусов пчел, и посуду для меда, который, по-видимому, будет дегустироваться на одном из заседа-

³³ Из героического прошлого русского народа. М., 1943. Т. 1.

³⁴ Лычковская Н. Указ. соч. С. 114.

³⁵ В. А. Десницкий. Материалы к биографии. Фонд Музея истории РГПУ им. А. И. Герцена. С. 9–10.

³⁶ Там же. С. 10.

ний Ученого совета... Вздорность “научного” проекта — разместить улы под окнами аудиторий — стала какой-то удивительно осязаемой»³⁷.

Не лучше чем к лысенковщине относился Василий Алексеевич и к борьбе с «космополитами». И не молчал. «При том, что Десницкий в своих методологических исканиях двигался в русле основных устремлений нашей науки, был в истории ее один такой этап, тенденциям которого он противостоял всем существом своим, — тенденциям, получившим название “борьбы с космополитизмом (или компаративизмом) в литературоведении”... «”Вот так хорошо, — иронически говорил Василий Алексеевич, — наконец, удалось установить, что Пушкин был совершенно чужд мировой культуре...” Подобные мысли он развивал на кафедре, в студенческой среде, на занятиях с аспирантами»³⁸. В статье о неформальной культуре в ЛГПИ им. А. И. Герцена 1950–1960-х гг. я цитировал воспоминания бывшего студента, аспиранта и преподавателя А. М. Жмаева (который, в свою очередь, ссылается на Ю. П. Суздальского, замечательного преподавателя факультета русского языка и литературы) об одном смелом высказывании Десницкого в защиту студентов в середине 1950-х гг., но, по мнению профессора С. Г. Ильенко, на чьих глазах прошли последние годы жизни и деятельности Василия Алексеевича, эта ситуация относится к гораздо более тяжелому времени, ко времени кампании против космополитов. Не удержусь и повторю цитату: «В кабинете ректора устроили разгон всем работающим на факультете. Кто-то горячился: “Здесь нужны хирургические меры!” Десницкий мирно дремал, но, услышав эту фразу, проснулся и спрашивает: “Где я — в медицинском?” Всю торжественность анафемы сорвал»³⁹.

В разгар «Ленинградского дела» и кампании по борьбе с космополитизмом нашелся повод, чтобы припомнить Десницкому и его прошлое, и его научную и общественную позицию. Как уже говорилось выше, в ЛГПИ решили достойно отметить 70-летний юбилей одного из основателей института. Главным подарком юбиляру от ЛГПИ им. А. И. Герцена должен был быть посвященный ему том Ученых записок института, но руководство вуза посчитало этого недостаточным и направило в Министерство просвещения ходатайство о представлении профессора «В. А. Десницкого к званию заслуженного деятеля науки и к награждению его орденом»⁴⁰. Юбилейные торжества прошли успешно, в свет вышел юбилейный том Ученых записок, Десницкий стал заслуженным деятелем науки РСФСР (второго ордена он, правда, не получил). И вдруг 14 сентября 1949 г. более чем через полтора года после юбилея Десницкого, в «Литературной газете» появилась разгромная статья «Любители юбилейного пустословия», в которой резкой критике была подвергнута вступительная к юбилейным Ученым запискам статья профессора С. В. Касторского «В. А. Десницкий как ученый и педагог». Такое внимание центрального печатного «органа» к скромному изданию было вызвано очевидными обстоятельствами — в разгаре было «Ленинградское дело». Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, как один из ведущих высших учебных заведений города, очень скоро был вовлечен в смертельно опасную воронку этого дела, которая затягивала в себя тысячи государственных партийных работников, деятелей науки и культуры, преподавателей вузов, родственников безвинно обвиненных. Был сначала временно отстранен, а потом и снят директор института Ф. Ф. Головачев, который сыграл выдающуюся роль в сохранении коллектива института в годы войны и блокады, начались аресты среди профессорско-преподавательского состава. На факультетах непрерывно шли «проработочные» собрания, после которых лучшим исходом для «прорабатываемых» было снятие с должности при сохранении на работе в институте. Таким «лучшим исходом» завершилась для Десницкого история со статьей в «Литературке». В этой публикации статья С. В. Касторского из Ученых записок была объявлена аполитичной и аполитетической. Особенно зловеще звучало утверждение, что отдельные оговорки Касторского не раскрывают сущности ошибок Десницкого. Руководство института попало в крайне сложное положение. Дело в том, что даже при самом первом знакомстве со статьей Касторского⁴¹ и текстом того ходатайства о присвоении Десницкому звания заслуженного деятеля науки, с которым руководящий тригольник ЛГПИ (директор института, секретарь парткома, председатель месткома) обратился в ми-

³⁷ Мотольская Д. На рубеже двадцатых — тридцатых годов // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 11.

³⁸ Там же. С. 13.

³⁹ Жмаев А. М. Указ. соч. С. 216.

⁴⁰ В. А. Десницкий. Материалы к биографии. Фонд Музея истории РГПУ им. А. И. Герцена. С. 25.

⁴¹ Касторский С. В. В. А. Десницкий как ученый и педагог // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кафедра русской литературы. Л., 1948. Т. 67.

нистерство⁴², становится очевидно, что ходатайство представляет собой лишь сокращенный вариант статьи и автор двух документов один — Касторский. В условиях, когда институт и его сотрудники, как и весь Ленинград, находились под градом ударов, руководство приняло соломоново решение — реагировать на «сигнал» было доверено Ученому совету факультета русского языка и культуры. Все-таки «Литературная газета» официально считалась «неофициальным» органом печати и дирекция института ограничилась направлением в Министерство просвещения письма следующего содержания: «Ленинградский Государственный Педагогический Институт им. А. И. Герцена при сем посылает стенограмму Заседания Ученого совета факультета русского языка и литературы от 4 октября с/г. и резолюцию Совета по вопросам статьи “Литературн. Газеты” от 14 сентября с/г. — “Любители юбилейного пустословия”. ... И. о. директора института — А. Щербаков»⁴³. Главным объектом критики на совете факультета стала кафедра русской литературы. Статья «Литературной газеты» была признана «принципиальной» и «правильной». Совет констатировал, что «выпуск такого тома Ученых записок мог иметь место только в обстановке семейственности, приятельских отношений и недостаточно развитой самокритики, что является главным недостатком в работе кафедры». При этом, как выясняется из резолюции совета, «ошибки проф. Десницкого и пресловутый том Ученых записок уже «неоднократно обсуждались на Ученом совете, заседаниях кафедры и открытом партийном собрании» и, более того, «Литературная газета» уже давала информацию об этом в 1948 г.⁴⁴. Административная «карьера» Десницкого была закончена, его сняли с поста заведующего кафедрой русской литературы, которую он возглавлял три десятилетия. В последующие годы «он пребывал в опале, не читал ни одного основного курса, а его спецкурс по Гоголю мог заинтересовать разве что тех, кто собирался в аспирантуру». До середины 1950-х гг. «Десницкого собирались выставить из института ежегодно»⁴⁵. Да и в самом Василии Алексеевиче, судя по всему, после событий конца 40-х гг. что-то надломилось. Именно с этого времени он стал восприниматься, и не только юными студентами, как глубокий старик. Но ни ясности ума, ни живости мысли он не утратил до конца дней. Завершая рассказ об истории с юбилейными Учеными записками, нельзя не упомянуть и том, что кроме статьи Касторского в «Литературной газете» были подвергнуты литературной критике и опубликованные в них стихи, посвященные Десницкому. Их написали поэты — выпускники ЛГПИ Н. Заболоцкий, его однокурсник Н. Браун и Л. Хаусов. Стихи эти были признаны крайне слабыми. По поводу стихов Брауна и Хаусова с этим трудно не согласиться. А относительно «Садовника» Заболоцкого спорить тоже желания нет. Достаточно еще раз перечитать это стихотворение, чтобы признать его несомненные литературные достоинства (с оговоркой по поводу дежурных комплиментов в адрес Сталина, неизбежных, по-видимому, для человека, по счастливому случаю только что вышедшему на свободу из сталинских лагерей)⁴⁶.

⁴² В. А. Десницкий. Материалы к биографии. Фонд Музея истории РГПУ им. А. И. Герцена. С. 25–31.

⁴³ Там же. С. 4.

⁴⁴ Там же. С. 3.

⁴⁵ Жмаев А. М. Указ. соч. С. 216.

⁴⁶ Тому, кто мыслит с веком заодно,
Тому, кто весь принадлежит отчизне,
Не всякий раз бывает суждено
Пожать плоды своей прекрасной жизни.

Но если есть награда за труды, —
Что может быть отраднее сознанья
Садовника, взрастившего сады
На плодотворных склонах мирозданья?

Творец садов, он счастлив оттого,
Что дал он миру тысячи растений,
Где каждый лист — живая мысль его,
Где каждый плод — души его творенье.

В его садах — избыток дивных сил,
Их не убьют ни засухи, ни стужи...
Учитель мой! Ты не сады растил —
Ты строил человеческие души.

Согретый солнцем сталинских идей
И до конца поверив в человека,
Ты вызвал к жизни тысячи людей —
Строителей невиданного века.

При всех постигших его неприятностях, а на фоне трагедий других людей, часто с куда более, чем его, «незапятнанной» репутацией, события на факультете русского языка и литературы ЛГПИ, действительно, можно считать лишь «неприятностями», Десницкий всю свою жизнь был, что называется, «советским человеком». Приняв однажды власть коммунистов, он верой и правдой служил — но не им, а народу, так как искренне считал, что эта власть является для него благом. И его идея создать педагогический институт, куда был бы открыт доступ молодежи из самых широких общественных слоев, реализация этой идеи на практике была для него лучшим доказательством правоты его выбора. Но, как это ни парадоксально, эта идея бессословности связала его деятельность с идеями и трудами И. И. Бецкого, идеолога создания Воспитательного дома. В результате традиция не прервалась и история Дома связалась с историей Института, чтобы затем перерасти в историю Университета.

Думается, не стоит идеализировать и деятельность Десницкого как организатора образования и науки в первые годы советской власти. Оказавшись в меньшинстве в академической среде, он и другие «красные профессора» активно пользовались связями с властью и своим авторитетом среди партийной верхушки для быстрого вытеснения «буржуазной» профессуры из руководства как высших учебных заведений, так и академических учреждений. На активное участие Десницкого в этом процессе намекает, например, в своих воспоминаниях о нем академик Жирмунский⁴⁷. Сам Десницкий за должностями не гнался, напротив, они всегда его тяготили, но определенную роль в общем снижении научного и профессионального уровня руководства ленинградским образованием и наукой в 1920-е гг. он, несомненно, сыграл. В педагогических воззрениях В. А. Десницкий был весьма консервативен и отрицательно относился к большинству педагогических новшеств 1920-х гг. Он принимал активное участие в научных дискуссиях своего времени, в которых, к сожалению, часто было очень трудно не перешагнуть грань между научным спором и политической кампанией. Но он никогда не позволял себе этого, и отрицательно относясь к «формализму», всячески поддерживал, например, Б. В. Томашевского, писал предисловия к его книгам, фактически защищая от возможных нападок. В последние годы жизни, да и после смерти, когда его научное наследие еще оставалось актуальным, Десницкого очень часто обвиняли в «вульгарном социологизме». И он действительно грешил им, но в контексте истории марксистского литературоведения в России очевидно, что он искренне пытался сочетать марксизм с научностью. Отнюдь не в угоду политической конъюнктуре, а искренне стремясь применить марксизм-ленинизм к изучению литературы, он занимался изучением и популяризацией взглядов на нее классиков марксизма. Судя по всему, для него действительно незаживающей раной был его политический разрыв с Лениным. И вряд ли только данью времени можно назвать то, о чем писал в своих воспоминаниях А. Дымшиц, который утверждал, что Десницкому «было трудно говорить о своей роковой ошибке, об отходе от большевизма. Но однажды он мне сказал об этом, и в словах его звучали не проходящая боль и бескомпромиссное осуждение. В душе своей он, став педагогом самого высокого класса, никогда не переставал быть политически мыслящим деятелем. И в воспитательной работе он оставался политически страстным человеком, работавшим на прочной основе марксистско-ленинских принципов»⁴⁸. С «высоты» современности проще всего было бы сказать об иронии истории и предаться рассуждениям о том, что «роковая ошибка» была самым достойным выбором, а останься Десницкий большевиком, он, скорее

В многообразном шуме бытия,
В глубинах обновленного народа
Она живет — живая мысль твоя,
И ширится и зреет год от года.

И в дело воплощаются мечты,
И не грозит твоим садам терновник...
Поистине, сегодня счастлив ты,
Живых сердец взыскательный садовник!

Характерная деталь: написав стихотворение, Заболоцкий прочил его своему другу Н. Л. Степанову. «Осторожный Николай Леонидович заметил, что в возвышенном образе садовника грузинские поэты часто изображают Сталина. Как бы не сочли недозволенной дерзостью уподобление мудрому садовнику не вождя, а профессора-литературоведа, не усмотрели бы в этом какой-либо нежелательный смысл. В то тревожное время приходилось учиться даже такие едва уловимые нюансы» (*Заболоцкий Н. Н.* Указ. соч. С. 466). Осторожность и включение строфы о Сталине не помогли. Смысл все равно «усмотрели».

⁴⁷ Жирмунский В. Указ. соч. С. 101–102.

⁴⁸ В. А. Десницкий. Материалы к биографии. Фонд Музея истории РГПУ им. А. И. Герцена. С. 12.

всего, не пережил бы 1937-го года и разделил ответственность за преступления режима, а РГПУ им. А. И. Герцена, вполне возможно, сегодня бы не существовало. Но Василию Алексеевичу не суждено было увидеть достаточно далекого для него будущего и он всю жизнь искренне мучился сознанием своей неполной реализации — не для себя. Для народа, для страны.

Сын ученого, А. В. Десницкий вспоминал, что отец, будучи знаменитым библиофилом и книголюбом, все свободное от преподавательской и общественной деятельности время посвящал работе за письменным столом и с книгой. Телевизионной эры он почти не застал, да и к радио относился равнодушно. «Но, впрочем, вот, что он всегда любил слушать по радио, сколько бы раз это ему не приходилось делать. Когда после вечерних известий кто-либо пытался выключить приемник, отец неизменно протестовал: “Нет, нет!.. Оставьте. Я люблю слушать...” И тут раздавалась музыка Гимна Советского Союза...»⁴⁹. Здесь, как говорится, не убавить, не прибавить.

10 февраля 1958 г. в клубе ЛГПИ им. А. И. Герцена состоялось заседание Ученого совета института, посвященное 80-летию со дня рождения и 60-летию научной и педагогической деятельности В. А. Десницкого. Его приветствовали ректорат, партком, Министерство просвещения, Ленинградский обком КПСС, Президиум Академии наук, членом которой он так и не стал, и ученики, ученики. Сменилась эпоха, тени и страхи прошлого, казалось, навсегда отступили. Теперь он был патриархом, символом Герценовского института, сорокалетие которого отмечалось в тот же год. Символично, что к тому времени под именем Института имени А. И. Герцена собрались почти все учреждения, возникшие после революции на базе бывшего Воспитательного дома. После окончания учебного года Василий Алексеевич уехал на отдых в свой любимый Коктебель. Там он почувствовал себя плохо и на обратном пути в Ленинград умер в поезде 22 августа 1958 г.

Мемориальной доски ни на доме, где он жил, ни на здании института, ни к столетию Десницкого, ни позже так и не появилось.

Эту статью я назвал «Судьба петербургского интеллигента», конечно, не случайно. Более сорока лет, не считая времени эвакуации, он прожил в этом городе, да и до марта 1917 г., когда он поселился здесь окончательно, неоднократно бывал в Петербурге. И хотя он жил в городе, который назывался то Петроградом, то Ленинградом, по своему воспитанию и жизненному пути он был порождением петербургской культуры — одновременно типичным и выдающимся. Вспомним М. Волошина с его утверждением, что «Петр был первый большевик». Свою жизнь Десницкий начинал как интеллигент в том смысле, в котором это понималось в начале XX в. — левый радикал из разночинной среды, стремящийся осчастливить народ с помощью революции и очередной новомодной социологической теории. Как раз в тот момент, когда идеологи либерализма показали всю опасность для будущего России этого социально-культурного типа, Десницкий начал новый этап в своей жизни, который привел его к интеллигентности нового типа, которую я здесь и называю петербургской. В ее основе — стремление к служению обществу и стране, но без их слепого почитания, глубокая образованность и критический ум, толерантность и принципиальность в отстаивании убеждений. И именно петербургская среда, которая постепенно становилась сначала петроградской, а потом ленинградской, помогла Десницкому развить в себе лучшие качества, чтобы стать одним из самых достойных представителей петербургской, ленинградской интеллигенции в XX в. Он и сам, строя себя, активно влиял на процесс формирования новых поколений этой интеллигенции, насыщая ее энергией. При этом он сохранил в себе лучшие качества интеллигенции начала XX столетия — верность своим убеждениям, готовность и способность их защищать, оптимистический взгляд на мир и русский народ.

В заключение хочется заметить, что нам еще только предстоит в полной мере понять и осознать роль Российского государственного педагогического университета в формировании российской и петербургской-ленинградской интеллигенции. Очевидно, что она очень значительна. И результаты деятельности В. А. Десницкого, который может служить олицетворением лучших качеств герценовского руководителя, преподавателя и ученого, плодотворность его трудов по формированию целого ряда поколений этой интеллигенции — тому лучший пример.

⁴⁹ Десницкий А. В. А. Десницкий о Крылове (Из записок об отце) // В. А. Десницкий — ученый и педагог / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 381. С. 68.